

Сюй Синчжи и сам не замечал, что его щеки покраснелись, а родинка под глазом стала особенно яркой, придавая ему то самое очарование человека, источающего невольное искушение.

Мэн Чунгуан послушно пошел налить воды. В его спине чувствовался такой неописуемый восторг, словно у щенка, который радостно виляет хвостом.

Сюй Синчжи, которого помогли приподняться и усадили на край кровати, подумал, что в таком состоянии Мэн Чунгуан выглядит даже довольно мило.

В одном из уголков Диких земель, среди гор под названием Фэншань, где небо затянуто желтой пеленой песка, а ледяной ветер пробирает до костей, в каменной пещере теплился тусклый, изможденный огонек, готовый вот-вот погаснуть от очередного порыва ветра.

Внутри пещеры.

Человек, облаченный в звериные шкуры, с землисто-желтым лицом, подался вперед, его глаза горели алчным блеском:

— Ты уверен в том, что видел? Это действительно был Сюй Синчжи?

Человек внизу ответил:

— Когда мы отступали, я рассмотрел всё в деталях. Тот, кто стоял рядом с Мэн Чунгуаном, — это определенно Сюй Синчжи, первый ученик Цинцзин-цзюня с горы Фэнлин! В тот год, когда проходили состязания в Небесном рейтинге, мне довелось встретиться с ним мельком, и я запомнил его очень четко.

Человек в шкурах просиял и, хлопнув в ладоши, рассмеялся:

— Хорошо! Превосходно! Теперь, когда он у нас, у нас появится шанс выбраться из Диких земель!

Среди остальных послышался невнятный ропот — видимо, люди не понимали, как это поможет.

Человек в шкурах подавил радость и спросил:

— Скажите мне, кто сейчас хозяин горы Фэнлин?

При упоминании этого имени все присутствующие заскрежетали зубами от ненависти. Один голос нехотя ответил:

— Цзючжи Дэн.

Человек в шкурах пояснил:

— Именно. Стоит нам схватить Сюй Синчжи и предложить Цзючжи Дэну сделку, как он непременно выпустит нас на волю!

Кто-то возразил:

— Этот Цзючжи Дэн безумен, он жаждет нашей смерти. С чего бы ему идти на уступки из-за какого-то Сюй Синчжи...

— С чего бы? — хищно усмехнулся предводитель. — Цзючжи Дэн, как и Мэн Чунгуан, вырос под опекой Сюй Синчжи. Всем известно, что Сюй Синчжи был падок на мужчин, и все его ученики, которых он воспитал, оказались с изъяном. А связь Цзючжи Дэна с ним и вовсе не знает границ. Если мы захватим его шисяна, это будет все равно что сжать горло самого Цзючжи Дэна!

Он говорил все более возбужденно, в его глазах читалось безумие:

— Я столько лет прозябал здесь как разбойник, с меня хватит! Как только мы схватим Сюй Синчжи, мы сможем...

Женщина с грациозной фигурой, прислонившаяся к стене, долго размышляла, прежде чем прервать восторженный монолог:

— Тебя не смущает, что Сюй Синчжи появился в Диких землях так внезапно? За последние десять с лишним лет единственным, кто контролировал ключи от Диких земель, был Цзючжи Дэн. Как он вообще сюда попал?

Она поиграла своими свежеекрашенными ногтями, и на ее губах заиграла усмешка:

— Неужели Сюй Синчжи не смог ублажить Цзючжи Дэна в постели? Или, может, Цзючжи Дэн сам отправил его сюда с поручением? Например, убить своего любимого младшего брата Мэн Чунгуана? Ведь Мэн Чунгуан здесь сейчас — человек, чье слово закон. Если он что-то замышляет, чтобы прорваться наружу, Цзючжи Дэн наверняка обеспокоен. Если дело в этом, то, поймав Сюй Синчжи, ты не только не поможешь делу, но и сделаешь только хуже.

Человек в шкурах осекся. Чем больше он думал, тем логичнее казались эти слова, и он впал в уныние.

— И то верно, — с досадой сказал он. — Кто в мире не знает, что Сюй Синчжи убил своего учителя? От такого отброса можно ждать чего угодно.

Женщина с досадой цокнула языком, подошла к мужчине, опустилась на его каменный трон и, прижавшись пышной грудью к его руке, лучезарно улыбнулась:

— Но кто сказал, что Сюй Синчжи бесполезен?

— Что ты имеешь в виду?

Женщина игриво коснулась его потрескавшихся губ:

— Цзючжи Дэн далеко, за пределами Диких земель. Но... разве ты не хочешь контролировать Мэн Чунгуана? Не хочешь вернуть себе титул хозяина Диких земель, который он у тебя отнял?

6. Подмена

Прошла ночь, и Сюй Синчжи немного окреп. Хотя колени при ходьбе все еще дрожали, он уже мог стоять твердо.

Золотая цепь на его запястье исчезла вместе с Мэн Чунгуаном. Удивительно, но на коже не осталось даже красных следов, и при движении он не чувствовал сильной боли.

Сюй Синчжи встал с кровати и обнаружил, что в бадье налита горячая вода, от которой поднимался пар.

Он не стал церемониться, с удовольствием принял ванну, привел себя в порядок, подобрал с кровати свой складной веер и вышел наружу проветриться.

За башней моросил мелкий дождь. Едва выйдя за порог, Сюй Синчжи увидел Чжоу Бэйнаня — тот торчал из земли по самую шею, излучая потоки ярости.

При виде Сюй Синчжи лицо Чжоу Бэйнаня посинело, но он был вынужден смотреть прямо на него, с ненавистью взирая снизу вверх.

Неизвестно почему, но при виде того, как Чжоу Бэйнань скрежещет зубами, Сюй Синчжи почувствовал непреодолимое желание подразнить его.

Он присел рядом и с показной заботой спросил:

— Что это с тобой?

Лу Юйцзю, который прикрывал Чжоу Бэйнаня от дождя листом банана, кротко ответил:

— Он вчера подшутил над шисюном, вот Мэн Чунгуан и наказал его.

Узнав причину, Сюй Синчжи принялся обмахивать Чжоу Бэйнаня веером, злорадствуя:

— Ну, тогда сочувствую тебе.

На лице Чжоу Бэйнаня было написано лишь одно: проваливай.

Чем больше он злился, тем больше Сюй Синчжи хотелось его поддеть.

Он потянулся, чтобы потрогать Чжоу Бэйнаня за голову, но рука прошла сквозь пустоту. Только тогда он вспомнил, что Чжоу Бэйнань давно мертв, перед ним лишь дух, и обычный человек не может к нему прикоснуться.

Сюй Синчжи только было проникся сочувствием, как Чжоу Бэйнань прошипел:

— Сюй Синчжи, подожди только, выберусь — сгною тебя.

Сочувствие Сюй Синчжи мгновенно улетучилось.

Он небрежно откинул прядь волос, спадавшую на висок, и с усмешкой подмигнул Чжоу Бэйнаню:

— Ну же, голубчик, попробуй.

Чжоу Бэйнаня передернуло от отвращения, он был готов выбраться из земли и собственноручно уничтожить эту заразу.

В самый разгар насмешек Сюй Синчжи вдруг услышал, как в лесу кто-то поет. Голос был дивный, нежный, как шелк, и мелодичный, как у иволги, а в такт пению доносились звуки бамбука и, казалось, барабанов цзегу.

Сюй Синчжи обернулся и увидел, что из бамбуковой рощи вышла та самая Костяная дева, обладающая даром исцеления.

Их взгляды встретились. Она мгновенно умолкла, и все ее кости задрожали.

Она долго смотрела на него, не мигая, а затем, словно что-то осознав, развернулась и бросилась бежать вглубь леса.

Сюй Синчжи помнил, что в своей книге действительно описал девушку, владеющую искусством врачевания, у которой вместо тела был скелет.

Если кто-то был ранен, она могла перенести рану на себя, чтобы исцелить пострадавшего, если только не были задеты кости. Вчера она использовала этот дар, чтобы убрать ожоги с тела Мэн Чунгуана.

Но Сюй Синчжи понятия не имел, что ее связывало с оригинальным владельцем тела. Она явно хотела его избежать.

Лу Юйцзю проводил взглядом Костяную деву, а затем посмотрел на Сюй Синчжи и тихо спросил:

— Шисюн, ты ее уже не узнаешь?

Лицо Лу Юйцзю почти полностью скрывала жуткая маска, Сюй Синчжи не видел его выражения, но в голосе слышалось невыразимое сожаление.

— Кто она? — спросил Сюй Синчжи.

Чжоу Бэйнань цыкнул, подавая знак Лу Юйцзю молчать.

Лу Юйцзю поджал губы:

— Она вчера просила нас не говорить тебе.

...Но разве было сложно догадаться?

Лента в волосах Костяной девушки была точно такой же, как та, что носил Мэн Чунгуан — наверняка это был особый символ горы Фэнлин.

Ее кости были вычищены до блеска, белые, как нефрит, и даже если от нее остались одни кости, она старательно укладывала волосы, прежде чем выйти — она явно любила красоту.

В обрывках памяти Сюй Синчжи действительно всплыл образ прекрасной девушки по имени Юань Жучжоу, младшей сестры с горы Фэнлин. Она была красива, как цветок, весела и любила музыку.

А теперь от нее остался лишь скелет, бродящий по лесу.

Сюй Синчжи все понял, но притворился незнающим и, легко взмахнув веером, улыбнулся:

— Странно, я не могу вспомнить. Но если судить по костям, она была настоящей красавицей.

Чжоу Бэйнань, закопанный в землю, фыркнул:

— Есть ли на свете хоть одна женщина, которую ты не назвал бы красавицей?

Сюй Синчжи сложил веер:

— У каждой женщины своя красота. Одна прекрасна лицом, другая — душой. Тебе этого не понять.

Костяная дева, скрывшаяся в лесу, услышала каждое слово.

Она пролила горькие слезы и побежала прочь, ее сухие белые ступни тихо шуршали по опавшей бамбуковой листве.

Покончив с насмешками над Чжоу Бэйнанем, Сюй Синчжи обошел башню, погрузившись в свои мысли.

Все здесь было не так, как он представлял: никакой толпы учеников или духов, просто одинокая башня.

Мэн Чунгуан провел в Диких землях больше десяти лет и не завел ни одного подчиненного — это было крайне странно.

Сюй Синчжи казалось, что это место не похоже на логово дракона, скорее на тихую обитель, где живут лишь Мэн Чунгуан и пара его друзей.

Впрочем, судя по вчерашнему визиту местных жителей, жизнь у них не такая уж и спокойная.

Мэн Чунгуан куда-то исчез, Чжоу Бэйнань все еще сидел в земле, рядом с ним Лу Юйцзю, Чжоу Вана тоже не было видно, даже те призрачные слуги, которыми управлял Лу Юйцзю, куда-то подевались.

Сюй Синчжи спрятал веер в рукав и, словно гуляющий по саду знатный господин, обошел башню, чувствуя скуку.

Как же надоело. Не хочу больше играть, хочу домой.

Обойдя круг, Сюй Синчжи выбрал сухое место, сел на землю и громко сказал:

— ...Выходи.

Он знал, что с тех пор, как вышел из башни, кто-то следовал за ним. Но этот человек вел себя благородно: не произносил ни слова, держался на расстоянии и был весьма терпелив.

После того как его разоблачили, из-за башни вышел человек.

Сюй Синчжи удивился.

Это был не Мэн Чунгуан, а незнакомец — молодой человек в одежде книжника. Он был одет в коричневое, застиранное, но опрятное платье, в руках держал белоснежную метелку для пыли

— очень изящно.

Его черты лица были утонченными, словно само воплощение мягкости и доброты.

Человек подошел к Сюй Синчжи и с легкой улыбкой поприветствовал:

— ...Синчжи.

Сюй Синчжи нахмурился, перебирая в памяти персонажей своей книги. Узнав его, он слегка нахмурился.

Он похлопал по земле рядом с собой, и незнакомец послушно сел — ровно, с прямой спиной, глядя прямо перед собой. Сюй Синчжи подумал, что по сравнению с ним он сам выглядит как бесформенная куча грязи.

Впрочем, исправляться он не собирался.

Сюй Синчжи вспомнил имя, которое вчера произнес Мэн Чунгуан:

— Цюй Чи?

Похоже, Сюй Синчжи угадал.

Молодой человек тепло улыбнулся:

— ...Мгм.

Сюй Синчжи вздохнул.

...И правда он.

Цюй Чи говорил очень мягко, словно голос его прошел через чистый горный ручей:

— ...Чунгуан велел мне следовать за тобой и оберегать.

Сюй Синчжи не стал при нем кривляться:

— Благодарю.

Цюй Чи по-доброму посоветовал:

— Твоя поза не соответствует этикету.

Сюй Синчжи продолжал лениво полулежать:

— Так удобнее.

Он говорил легко, но взгляд его был прикован к Цюй Чи.

Цюй Чи, конечно, не знал, о чем тот думает. Он порылся в кармане и вежливо предложил:

— ...Угощайся конфетой.

Он раскрыл ладонь. В ней лежали два предмета, завернутые в цветную бумагу.

Сюй Синчжи взял один, развернул и обнаружил внутри маленький камешек размером с ноготь.

Цюй Чи с энтузиазмом рекомендовал:

— Очень вкусно.

Сюй Синчжи взвесил камешек на ладони:

— ...Это конфета?

Цюй Чи кивнул:

— Да, я хочу есть конфеты. Это Ван нашла для меня, она сказала, что это называется конфета.

Сюй Синчжи повертел камень в руках, заметив, что тот очень чистый.

Он переспросил:

— ...Ты ведь не глотаешь конфеты, правда?

Цюй Чи послушно ответил:

— Не глотаю. Ван и Тао Сянь запрещают мне, говорят, что глотать конфеты нельзя.

Сюй Синчжи подтвердил:

— Верно, конфеты глотать нельзя.

Он, не колеблясь, положил камешек в рот и улыбнулся Цюй Чи.

Цюй Чи тоже положил свой камешек в рот, и его счастливое лицо напоминало не взрослого

человека, а маленького ребенка.

Камень, конечно, был безвкусным, но Сюй Синчжи притворился, что наслаждается угощением.

Сказать по правде, отношение Сюй Синчжи к Цюй Чи отличалось от чувств ко всем остальным.

Когда он встретил Чжоу Бэйнана, тот хотел его убить, поэтому сильных эмоций Сюй Синчжи не испытал.

Когда он встретил Мэн Чунгуана, он был слишком занят мыслями о задании «Мирового сознания» по убийству злодея, чтобы думать о чем-то еще.

Но при виде Цюй Чи его сердце не было столь спокойным.

Потому что Цюй Чи был единственным персонажем в книге, чью предысторию Сюй Синчжи прописал детально.

Вспоминая обрывки памяти, он знал, что когда-то Цюй Чи был первым учеником праведного пика Даньян, но после нападения демонов сошел с ума.

Другими словами, умственное развитие Цюй Чи сейчас на уровне пяти-шести лет, он даже не может отличить конфету от камня.

Сюй Синчжи догадывался, что тринадцать лет назад именно из-за своей неполноценности он помог Мэн Чунгуану украсть артефакт и оказался в Диких землях.

Видя Цюй Чи, Сюй Синчжи не мог не думать: если бы он написал позитивную и добрую историю, возможно, эти люди были бы намного счастливее и не оказались бы заперты в этой гигантской тюрьме, где кто-то сходит с ума, кто-то становится одержимым, а кто-то — глупым.

Пока Сюй Синчжи предавался раздумьям, Цюй Чи внезапно изменился в лице, взмахнул метелкой и заслонил Сюй Синчжи.

Сюй Синчжи не успел среагировать, как справа полетели лезвия в форме лепестков сливы, с лязгом ударяясь о метелку Цюй Чи.

Цюй Чи ловко крутанул запястьем, обвил лезвия и с силой отшвырнул их обратно.

В лесу раздались крики — похоже, нападавшие сами напоролась на свои же лезвия.

Цюй Чи одной рукой держал метелку, другой выхватил меч Юйчан и встал в оборонительную

позицию, крикнув Сюй Синчжи:

— Быстрее в башню! Чунгуан сказал: если с тобой что-то случится, он заберет у меня все конфеты.

...Жестокое наказание.

Сюй Синчжи заподозрил, что в глазах Цюй Чи он — просто большая ходячая конфета.

Несмотря на иронию, он понимал, что будет лишь обузой, поэтому, не раздумывая, бросился бежать, но чья-то рука схватила его за плечо.

Сюй Синчжи замер.

Цюй Чи обернулся, увидел, кто это, и расслабился:

— Чунгуан, скорее уводи Синчжи в башню.

Мэн Чунгуан усмехнулся.

Рука, сжимавшая его плечо, сжала его слишком сильно. Сюй Синчжи почувствовал неладное.

Он поднял глаза и увидел, что в зрачках Мэн Чунгуана мелькнул желтый, волчий блеск.

Пришелец оскалился, обнажив острые клыки, как хищный зверь, который рассматривает добычу и думает, с какой стороны начать.

Сюй Синчжи в ужасе крикнул:

— Подожди! Это не...

Но Цюй Чи не заметил подвоха и подтолкнул Сюй Синчжи в объятия «Мэн Чунгуана»:

— Скорее в башню!

Сюй Синчжи похолодел, но прежде чем страх сковал его сердце, торжествующая улыбка на лице пришельца застыла.

Его тело неестественно дернулось вперед, Сюй Синчжи ловко отскочил, глядя, как тот падает лицом вниз и начинает биться в конвульсиях.

Его позвоночник в районе четвертого и пятого позвонков был сломан — там зияла глубокая

вмятина.

Настоящий Мэн Чунгуан стоял позади него, неторопливо вытирая руки платком, а затем нежно притянул Сюй Синчжи к себе:

— Шисюн, ты не ранен?

Сюй Синчжи, не отойдя от шока, покачал головой и посмотрел на лежащего на земле лже-Мэн Чунгуана.

Черты лица умирающего исказились, словно тесто, и наконец приняли истинный облик — землисто-желтое лицо, густая борода, звериные шкуры.

Спина человека была сломана, он хрипел:

— Мэн Чунгуан... как ты...

Мэн Чунгуан присел, схватил его за волосы и улыбнулся:

— Если я буду все время сидеть в башне, как я узнаю, кто решит напасть на шисюна в мое отсутствие?

Голос человека в шкурах был полон крови и хрипа:

— Но... шпионы говорили, что ты в ста лилях отсюда, на склоне Ланьцяо...

Мэн Чунгуан ответил небрежно, словно шутил:

— Всего сто лилей. Я быстро бегаю.

Человек в шкурах, зная, что обречен, собрал последние силы и взревел:

— Мэн Чунгуан, ты чудовище...

Мэн Чунгуан не дрогнул. Сложив пальцы, он с легкой улыбкой ударил в верхний позвонок, превращая проклятия в истошные вопли.

— Ты использовал мое лицо, чтобы обнять моего шисюна, — сказал Мэн Чунгуан. — Хочешь умереть? Нет, это было бы слишком просто.

На глазах у Сюй Синчжи он, словно раскалывая орехи, превратил позвоночник человека в труху.

Когда тот потерял сознание, Мэн Чунгуан приказал растерянному Цюй Чи:

— Цюй Чи, приведи мне всех, кто прячется в лесу справа. Оставь их в живых. Я лично отправлю их на тот свет.

7. Возврат к воспоминаниям

Цюй Чи не шелохнулся, глядя на Мэн Чунгуана черными, как холодные звезды, глазами.

Мэн Чунгуан выразил легкое недоумение и приказал:

— ...Иди скорее.

Цюй Чи все еще стоял на месте.

Сюй Синчжи среагировал быстрее:

— В этот раз ты не уберег меня, так что конфеты не заберут. Но чтобы это было в последний раз.

Мэн Чунгуан:

— ...

Цюй Чи радостно спросил:

— Правда?

Сюй Синчжи подтвердил:

— Правда.

Цюй Чи мгновенно исчез.

Через секунду из леса донеслись слабые крики.

<http://bllate.org/book/22484/2370466>